

Предисловие

- Дяденька, расскажи мне сказку! – я не заметил, когда рядом со мной появился этот малыш. Я сидел на скамейке на берегу реки и мог поклясться, что никого в радиусе метров тридцати-сорока еще мгновение назад тут не было.

- Сказку? – мне показалось странным, что маленький мальчик гуляет тут без мамы и без папы.

- Сказку! – нагло потребовал шкет.

- Хочешь про Снежную королеву? – я понял, что мне не увернуться от странного субъекта, приковавшего меня к месту взглядом не по возрасту умных и усталых глаз.

- Валяй! Но только непременно свою, оригинальную версию – он забрался на лавку с ножками и к моему удивлению выгащил из кармана своих шортиков пачку папирос «Казбек».

В далеком детстве я сам любил слушать сказки, некоторые из которых мне не всегда нравились и я даже грешил тем, что переделывал их на свой лад. Поэтому его странная просьба была не так уж и фантастична. Спустя мгновение меня понесло...

- Спасибо, я все понял – прервал меня мой слушатель на том месте, когда хрупкая Герда, переодевшись в одежду электрика, уже занесла детскую ручку над рубильником, собираясь обесточить морозильную камеру в супермаркете, в которой злая тетя поставила в угол ее непутевого братишку-шалунишку...

- Очень интересно, но мне пора исчезать, Вы уж меня извините за беспокойство - странный малыш, теперь больше похожий на старичка-сморчка, забывчивал о край лавки недокуренную папиросу и ловко соскользнул на травку. Пройдя буквально пару шагов, он внезапно растворился под ивовым кустом.

Заинтригованный его исходом, я не поленился и ощупал траву. Бесполезно! Парень исчез совершенно бесследно, не оставив после себя даже мокрого места. И только дымящийся окурочек вернул мое пошатнувшееся, было сознание на место.

Глядя на плавное течение реки, я задремал. Снился мне старинный ткацкий станок, без устали набирающий узоры на льняной ткани. Дивные рисунки завораживали, перенося мое сознание в запредельные и неведомые дали. Из тех далей я видел, как из-за угла за этим старинным ткацким станком подглядывали другие машины. Которые чуть позже, вернулись на свои штатные места, и с разной степенью достоверности начали нагло копировать чудесную фактуру.

«Халтура, воруют! Неужели трудно самим нарисовать что-нибудь приличное?» - в моей сонной голове это безобразие почему-то ассоциировалось с плетением именно сказочной, мифовой ткани, а вовсе не с текстилем. Зато теперь мне становилось понятно, как начинали свою жизнь украденные сказки. Ловкий «портной» пристегивал несколько понятных твоему уху имен, топонимов - и дело в шляпе.

Однажды мне пришлось прокомментировать в сетях

чей-то слишком заумный материал на эту тему. Случайно или нет, но буквально на следующий день на пороге моей квартиры уже стоял Иван Иванович со своим неизменным и потертым до дыр портфелем из кожи бенгальского крокодила.

- Спрятался, затихарился? Знаю я тебя! Колись Подольский, что тебе удалось пронюхать? Материал хороший? А давай-ка мы вместе с тобой сотворим новый и крутой миф! - Иван Иванович многозначительно похлопал по портфелю, намекая, что на этот раз он со мной обязательно рассчитается.

- Творите свою часть сами, а я, так и быть, подключусь к Вам чуть позже - сегодня я решил с ним не миндальничать, намекая в свою очередь, на немалую дебиторскую задолженность с его стороны.

- Ну, хорошо, тогда давай отреставрируем что-нибудь из старья. Шлифонец с тобой, так сказать, какую-нибудь седую легендочку. Ха-ха-ха! - не растерялся Иван Иванович, извлекая из портфеля бутылку коньяка.

- На днях сломалась шлифовальная машинка - буркнул я, демонстративно доставая из холодильника пакет с кефиром, боковым зрением отметив, что этот бес сегодня принес мой любимый коньяк.

- Было бы предложено - явно обиделся Иван Иванович, нехотя пряча бутылку обратно.

Иван Иванович ушел, и мне было наплевать на его обиды, но червячка он сумел закинуть. «Сотворим новый миф, шлифонец старый...» - с этими словами я вышел на

вечернюю прогулку и случайно забрел в заброшенный дом.

Люблю я ретро автомобили и уважаю старые дома...

Часть 1. Преисподняя

Глава 1. На Лодочной улице

Одинокий ветхий дом стоял на берегу реки, почти в самом центре Минска, хотя еще лет сто назад это место было его ближней окраиной. Почти все окна были заколочены серыми потрескавшимися от времени досками, и только одно из них зияло черной пустотой.

«Сколько же судеб ты повидал на своем веку, дружище?» – стоя возле таких старых объектов, я порой размышлял вслух.

Удивительно, но изредка они мне любезно отвечали. Вот и сегодня, мимо меня сплошной чередой поплыли картинки повседневного быта населявших его некогда людей. Рождение потомства, счастливое время, беззаботные игры во дворе и на берегу реки, свадьбы, заботы о хлебе насущном, праздничные застолья, две мировые войны, горе и слезы, похороны, поминки и снова свадьбы, снова рождения новых жильцов, новая полоса веселий и разочарований...

Стоя у его темного разбитого порога, появилось ощущение притяжения моего тела к единственному, не заколоченному в доме окну.

«А почему бы и нет? Дом-то давно не жилой» – с этой мыслью я проворно забрался в окно. Оказавшись на кухне, с выходом на летнюю веранду, мне пришлось с трудом, через заваленный хламом коридор протиснуться сквозь остатки

давно рухнувшего потолка в большую гостиную с полуразрушенным камином. Значительная часть его старого кирпичного дымохода была заботливо разобрана чьей-то хозяйственной рукой. Сейчас здесь было сыро, а из боковой пристройки доносился неистребимый запах торфа.

Внутри дом показался мне гораздо более просторным, чем выглядел снаружи. Еще два проема с выбитыми дверными коробками открывали доступ в комнаты, служившие бывшим владельцам спальнями. Между ними угадывались контуры небольшой квадратной печки, сохранившей местами остатки кафеля. А вот второй дымоход был почему-то цел и терялся во мраке чердака.

Постояв минут десять посреди царящей кругом разрухи и окинув прощальным взглядом остатки некогда жилого интерьера, с мыслью о бренности этого мира, я решил возвращаться на набережную, вспомнив, что сегодня меня пригласили на вечеринку. Споткнувшись, я нечаянно зацепил и порвал ветхую веревку, увешенную красными флажками, перегородивающую часть комнаты. Внезапно стемнело, и по гостиной пронесся сильнейший порыв ветра, чуть не сбивший меня с ног. Этот мощный шквал и сорвал ветхую дощатую обшивку, скрывавшую дверной проем.

«Зачем же мне обратно лезть в окно, когда можно культурно выйти через дверь? – радуясь хорошей мысли и сделав два шага вперед, на короткий миг я ощутил невесомость, а затем все погасло...

Как ни странно это может кому-то показаться, я отчетливо понимал, что потерял сознание. А еще мне

почудилось, что за мной кто-то подглядывает. Я отчетливо видел себя лежащим в центре кучи сухих листьев на полу погребца, люк которого давно прогнил, и который в порыве движения к свету остался незамеченным. Слегка побаливали оба локтевых сустава.

«Слава богу, конечности целы» – потрогав коленки, я встал на ноги и отряхнул с одежды строительный мусор. Крохотное помещение, в которое я угодил, было примерно два на два с половиной метра. Старая кирпичная кладка примерно двухметровой высоты была шершавой, но не настолько, чтобы можно было бы хоть за что-нибудь зацепиться и выбраться по ней наверх. Необходимо было поискать среди хлама какое-нибудь средство для своего спасения, но ничего кроме невысокой двери, высотой чуть более метра с закругленным верхом, прикрывающей некий лаз, мне на глаза не попало. И вновь мне почудилось присутствие посторонних.

«Уж не Домовой ли?» – пытаясь не поддаваться страхам, я медленно отступал к стене, где угадывались очертания загадочной карликовой двери.

«Откуда же ему взяться в нежилом фонде?» – успокоившись, я дотронулся до толстых дубовых досок, из которых было сработано дверное полотно. Удивительно, но петли оказались не старыми и ржавыми, а выглядели абсолютно новыми, к тому же, чья-то заботливая рука их совсем недавно смазала свеженьким солидолом. Дверь легко соскользнула с петель, обнажив проход в темный и крохотный чуланчик. Но еще более удивительным

оказалось то, что из него повело не затхлым, а совершенно свежим воздухом с примесью ароматного дымка.

В дальнем углу чулана стоял небольшой сундучок, который можно было бы приспособить в качестве подставки. Путь к свободе был обозначен, сундук плюс дверь, это уже было кое-что. Размяв поясницу и ушибленный локоть, я уже занес было ногу, когда разглядел в щели двери сложенный вчетверо листик старой и пожелтевшей от времени бумаги. Это был обычный листок из школьной тетради в клеточку. На нем явно детским почерком была сделана надпись на четырех языках: на белорусском, русском, польском и, как я догадался, на иврите.

«Надо же, какой раритет!» – у меня в руках была записка, написанная еще до второй мировой войны. Ведь только в ту пору в Минске повседневно использовались все эти четыре языка.

Иврита я, разумеется, не знал, но на остальных языках читался следующий текст: «Сей амулет слабый духом не осилит. В полдень рдеет багрянец, в полночь же царит лунный свет. Это времена Откровений».

Никакого амулета тут не было и в помине, скорее всего, его уже давно утащили и «осилили» местные бомжи и тогда я возобновил попытку выбраться наверх.

К сожалению, сундучок оказался слишком ветхим. Едва я перенес на него всю массу своего тела, поставив на крышку вторую ногу, как он затрещал и рассыпался подо мной в пух и в прах. Этот прах стал бесследно исчезать, обнажая старый пожелтевший пергамент, который, не желая

отставать от скрывавшего его футляра, решил испариться в воздухе.

Очевидно, при падении я слегка ушиб голову, а может эти видения навел и дымок, устойчивый запах которого назойливо витал вокруг меня. Прежде чем окончательно исчезнуть, ветхий пергамент выродил в пространство целую гирлянду полупрозрачных букв зеленоватого оттенка. Буквы затейливо сплетались в слова, и мне показалось, что смысл ускользающего послания вполне перекликался с надписью на тетрадном листике, если только дымок не спровоцировал в моем сознании такую красивую галлюцинацию. Когда погас этот волшебный фейерверк, на месте сундучка осталась лишь небольшая кучка пыли, среди которой тлел тусклый огонек. словно там лежала недокуренная сигарета.

«Только пожара мне хватало!» – с этой мыслью я наступил подошвой на тлеющую кучку и чуть не упал, под моей ногой было нечто очень скользкое. Так в моей руке оказался странного вида предмет. На первый взгляд, он был сделан из янтаря, хотя весил столько, словно внутри был залит свинцом. Где-то в его глубине явственно пульсировал слабенький источник, с частотой, дублирующей мой пульс. Внешне предмет был похож на линзу, выпуклую с одной стороны и вогнутую с другой, а сквозь отверстие в его верхней части была протянута золотая цепочка. Не раздумывая о силе своего духа, я нацепил амулет себе на шею и стал подгребать в кучу весь оставшийся в чулане хлам, чтобы поскорее выбраться на волю.

Было далеко за полночь, когда мне удалось, наконец-то покинуть негостеприимный дом. Разумеется, в гости я не попал и долго отмокал в ванной, смывая себя сажу и выветривая стойкий чуланный запах.

*

Весь следующий день этот диковинный артефакт вел себя вполне прилично, лежа на тумбочке у телевизора и помалкивал, а вот на второй день, во время трансляции вечерних новостей я заметил с его стороны еле заметное свечение. Все началось на третий день...

Для разминки амулет на полуслове отключил молоденькую дикторшу, рассказывающую о погоде в выходные дни. Свет амулета озарил ее волосы, а затем произошло еще более невероятное. Она извинилась, и с виноватым выражением лица, косясь в заэкранное пространство, где лежала моя находка, поведала совсем иную метеосводку.

Как показало время, новый прогноз оказался гораздо более точным. Амулет, войдя во вкус, слегка разогревался и искрил, продолжая нагло вмешиваться в чужую жизнь. Не успел я привыкнуть к метеорологическим поправкам, как он взялся за международные новости. Вот уж где было весело! Но еще забавнее было наблюдать, как прямо во время эфира замолкали известные экономические обозреватели. Вот их аналитические обзоры подвергались самой жесточайшей обструкции, и после редакции меня ожидала

несколько иная картина мира. А про ток-шоу и вспоминать не хочется...

«Это фокусы с моим телевизором или амулет работает и за пределами квартиры?» – я решил его проверить на более широкой аудитории. Тем более что подходящий случай вскоре представился. Меня исключили из университета, и терять мне было нечего.

Глава 2. Yellow River

- Какие люди! Чем мы Вам обязаны, господин Подольский? Ведь я еще на прошлой неделе собственноручно завизировал приказ о Вашем отчислении из нашего уважаемого учебного заведения – декан явно куражился, изображая из себя крайне расстроенного этим обстоятельством добренького дядю.

«Ну, погоди! Сегодня ты у меня обязательно попляшешь!» – я инстинктивно дотронулся до амулета, скромно отведя в сторону глаза, а вслух произнес: «Разрешите мне Иван Антонович в последний раз присутствовать на Вашей лекции!»

Вот тут я почти не врал. Иван Антонович Буйло-Хребтович был хорошим преподавателем, и его лекции, действительно, были интересными и увлекательными. Только как человек он мне не очень нравился. Злопамятный и мстительный. С самого первого дня он не мог простить мне уточнение, которое я на свою беду сделал с места по поводу известного кельтского мифа: «Похищение быка из

Куальнге». Мифа, который я знал практически наизусть. Это была любимая сказка моего детства.

Воспользовавшись моими промахами, допущенными в течение двух лет, Иван Антонович лишил меня возможности получить второе высшее образование. Почти в тридцать лет я поступил на заочное отделение исторического факультета, зашла в мою голову такая блажь. Уж очень мне захотелось иметь диплом историка. И такая осечка! Хотя, честно говоря, я много прогуливал, ибо считал, что много знал.

- Вот если бы раньше у Вас наблюдалось такое рвение! Ну что ж, извольте, я думаю, что никто из присутствующих не будет возражать - декан, продолжая излучать дружелюбие, указал мне на свободный первый ряд, где никто никогда не любил сидеть, за исключением опоздавших студентов, которых Иван Антонович непременно приглашал именно сюда.

Окинув взглядом аудиторию, я проследовал на место. Все было в порядке, день обещал быть удачным и насыщенным. Инспектор из министерства образования сидел на самом последнем ряду и делал вид, что его тут ничего не касается. Солнце было почти в зените, амулет потихоньку прогревался.

Лекция началась, некоторые студенты, не полагаясь на свою память, открыли конспекты и задвигали шариковыми ручками. Мне невольно захотелось оказаться в совсем еще недалеком прошлом, когда скрипели перья несколько иных пишущих устройств.

Сегодня Иван Антонович был на подъеме и с вдохновением повествовал о легендарной реке Стикс и связанным с ней перевозчике душ по имени Харон.

«Да, ребята! Сегодня вы узнаете много нового!» – я косил взгляд влево, отметив, как старательно конспектирует материал Костя Конецпольский. За его неширокой спиной, на один ряд выше, дремала Машенька Залеская, очевидно, только на рассвете вернувшаяся с ночной дискотеки. Любила наша Маша поплясать вволю.

«Залеская. Сразу понятно, что ее предки обитали за каким-то лесом. С Костей также все было предельно ясно – выселили некогда его родственника из фольварка за какой-нибудь плохой поступок на самый конец поля. Впрочем, может так случиться, что его поселили там и для охраны оного от недругов. Оба были лет на пять младше меня...» – я позволил себе ненадолго отвлечься от излагаемого материала.

«... многие исследователи помещают легендарный Стикс в горах Малой Азии, а именно...» – вывел меня из раздумий голос Ивана Антоновича.

«Все, настал час расплаты!» – оторвав взгляд от дремавшей Маши Залеской, я положил себе на ладонь волшебный амулет, который, почувствовав фальшь, стал наливаясь багряными тонами.

И тогда я решился, направив вогнутую поверхность «линзы» амулета в сторону декана.

– Это все брехня, ребята, бред сивой кобылы! – неожиданно рассмеялся Иван Антонович и с удивлением

установился на свое отражение в хорошо отполированной дверце стенового шкафа, смонтированного в углу аудитории. Шариковые ручки в руках студентов застыли, а клюющие носом постепенно возвращались на лекцию, с интересом поглядывая на декана.

Внезапно оторвал голову от своих записок и инспектор из министерства образования, сидевший на последнем ряду. А Ивана Антоновича уже несло: «Наша с вами Свислочь и есть та самая загадочная река. Да, да, не удивляйтесь коллеги! Повторяю, именно Свислочь – это легендарный Стикс!»

От этих слов проснулась даже Маша Залеская, но Ивана Антоновича было не остановить.

– Вижу! Вижу, что вы поражены, коллеги! Я и сам удивлен, но осмелюсь утверждать, что именно старое русло нашей реки сакрально отражает самый важный участок овеянного седыми легендами Стикса. А, кроме того, названия обеих рек начинается с одной и той же буквы. И эта буква – «С». Вам это совпадение не кажется странным? – декан обвел аудиторию загадочным взглядом.

Судя по лицам слушателей, им это совпадение почему-то не показалось странным, но Иван Антонович сегодня был столь убедителен, что студенты боялись дышать. Было слышно, как бьется о стекло большой майский жук.

– Я знаю! Это та часть реки, которая находится возле одного из корпусов третьей городской больницы – проявил эрудицию Костя Конецпольский.

– Верно, Константин! Кстати, поднявшись у излучины

на берег, в хорошую погоду можно рассмотреть проходную кондитерской фабрики «Коммунарка» – последнюю фразу декан адресовал почему-то инспектору, который сняв очки, старательно растирал виски.

После небольшой паузы аудитория весело загомонила. Я был поражен силой сегодняшнего откровения, навеянного декану моим амулетом. Причем здесь Свислочь? Но я-то знал, что амулет сам откуда-то черпает информацию и это могло означать, что с Малой Азией Иван Антонович погорячился. Постепенно багряные тона амулета стали терять свою силу, и я решил, что моя месть состоялась. Не спрашивая разрешения покинуть лекцию, я незаметно выскользнул в коридор.

- Подольский, я иду с тобой! – раздался позади меня голосок Машеньки Залеской.

- Пойдем. А тебе, отличник чего не сидится? – я разглядел позади Маши тощую фигуру Кости Конецпольского. Исключая ее походы на ночные дискотеки, Костик повсюду следовал за ней словно тень. Где и как она отсекала его вездесущую опеку перед вылазками в увеселительные заведения, я не знал. А жили они оба где-то в Курасовщине.

- Хорошая погода! Кола, пиво или чего-нибудь покрепче? – я кивнул на известное заведение, когда мы в полном молчании подходили к стадиону «Динамо».

- Нам все равно, тебя же выпнали из университета – дипломатично ответил Костя, тонко намекая, что сегодня платить он не намерен...

- Ха-ха-ха, Стикс! – уже в третий или четвертый раз смеялся Костя Конецпольский, вспоминая сегодняшнюю лекцию Ивана Антоновича, глядя на желтые воды Свислочи, застывшие около нашей скамейки, где мы допивали начатую в кафе бутылку ирландского виски.

Машенька заснула минут двадцать назад, вытянувшись на соседней лавочке, подложив под свою светлую головку Костин черный рюкзачок. Серебристые ивовые ветви нежно обнимали нашу компанию, скрывая ее от посторонних глаз.

- Сейчас поспит, а ночью опять смоеется – печально вздохнул Костя, забирая у меня бутылку.

- Не бери в голову! Посмотри-ка лучше туда – я кивнул в сторону ликероводочного завода «Кристалл», откуда на реку стали напоздать и клубиться облака серебристого тумана.

- Ничего себе! Я такого раньше никогда не видел. Может, это ядовитый пар? – Костя нервно заерзал на лавке.

- Вряд ли, сейчас уже всю ревел бы заводская сирена – я попытался успокоить и себя и его. Но уверенности у меня в этом не было никакой. Туман действовал мне не только на нервы, он пытался сковать и тело.

- У меня отказывают ноги! – вдруг заявил Костя, отставив в сторону бутылку с виски.

- Yellow River – пробормотал я про себя и полез в карман за мятной конфеткой.

За нашими спинами двое малолетних хулиганов

подпалили кучу мусора, и этот дым вместе с туманом вскоре и вовсе отгородил нас от окружающего мира. Не было видно даже контуров зеленого многоэтажного здания, которое, как мне ранее казалось, огромной тенью нависало над рекой.

- Костя! Мне холодно - вдруг раздался где-то рядом голос проснувшейся Маши. Она попыталась было выйти за пределы дыма, но некая сила довольно жестко отшвырнула ее обратно.

Это было интересно, но я никак не отреагировал на ее слова, мое внимание было всецело приковано к реке. Сквозь дым над водой прорисовывался контур огромной лодки с драконьей головой на носу, которая бесшумно скользила в нашу сторону.

- Здравствуй Подольский, а я за тобой! - раздался вдруг с кормы лодки звонкий голос, принадлежавший, как я уже сумел разглядеть, стройной девушке неопределенного возраста. На меня почти не мигая, смотрели ее стального цвета глаза. У нее были темные, ниспадающие на плечи волосы. Короткая меховая повязка вместо юбки и точно такая же меховая накидка из шкуры леопарда составляли ее нехитрый гардероб.

«Красива, но уж как-то холодна!» - я промолчал, никак не соотнеся этот призыв к своей личности.

- Брось дурить, Подольский! Держи конец! - я еле успел увернуться от каната, полетевшего в мою сторону.

- А это кто еще с тобой? - на набережную легко, по-спортивному, соскочила самая настоящая амазонка в

плетеных сандалиях на босу ногу.

- Это мои друзья, а в чем собственно дело? - я невольно схватился за амулет, который вдруг начал жечь мне грудь.

- Мы так не договаривались, ты должен был явиться сюда один - незнакомка грозно зыркнула на съжившегося от страха Костю Концепольского и на Машу Залескую, которая еще не совсем отошла ото сна.

- Я должен?! Да кто ты такая? Ничего я никому не должен! - от нахлынувшего на меня возмущения я даже показал ей обходной лист, который сегодня не успел сдать в канцелярию университета.

- Как ты догадался, мое имя Крона. И я пришла по зову твоего амулета, ведь ты звал меня? - в ее голосе послышалась угроза.

- А... амулет. Это я нечаянно... - теперь я вспомнил про силу духа, упомянутую в записке на четырех языках. Про мою месть декану и мне стало стыдно за свой поступок.

- Кстати, я не имею права их убивать, так что топить их будешь сам - Крона небрежно кивнула в сторону моих друзей.

- Топить?! Еще чего! Мы тебя сейчас сами утопим - разговор становился странным, и я решил показать этой фурии, кто тут хозяин.

- Ишь ты, какой строптивый! Ладно, поможем - с этими словами девушка сняла с кормы лодки рулевое весло и со всего размаха хлопнула им по воде.

- Что она делает? - Костя с интересом уставился на круги, побежавшие по воде.